

A dark, atmospheric still life composition. In the foreground, a piece of white, textured paper is draped over a surface. On it, the Russian text "В ПАМЯТЬ" is printed in a bold, serif font, and "о тебе" is written in a flowing, cursive script below it. To the right, two lit candles in holders provide a warm, golden light. In the background, there are dried flowers and a small, dark, textured object. A circular logo with a stylized 'W' is visible on the paper.

В ПАМЯТЬ
о тебе

Andromeda 07

В память о тебе

<https://litres.ru/74049304>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ей было семь, когда на её глазах убили сестру. Спустя двадцать лет Юри стала полицейским, чтобы найти убийцу.

Новое дело — ограбление ювелирного магазина. На месте преступления находят старинную пуговицу. Такую же, как на поляне, где погибла Вера. Расследование приводит Юри на заброшенную фабрику, к семи нераскрытым убийствам девушек, превращённых в манекены, и к тайнам собственной семьи.

В напарниках — ледяной Итан Харрис, готовый на всё ради её защиты.

Сможет ли Юри остановить маньяка до восьмой жертвы? И что скрывают братья Винер?

Детектив, где прошлое не отпускает, а каждая улика пахнет земляникой и кровью.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Andromeda 07

В память о тебе

Глава 1

Мне было семь лет, когда я впервые поняла, что мир не состоит из добрых людей.

То лето выдалось жарким и сухим. Земляника в лесу за нашей деревней уродилась крупная, сочная — наливалась алым соком прямо на глазах. Мы с Верой ходили за ней каждое утро, пока мать возилась в огороде или доила козу. Вере только что исполнилось двенадцать, и она считала себя уже совсем взрослой — носила волосы не в косички, как я, а в высокий хвост, и снисходительно улыбалась, когда я семенила за ней по тропинке.

В тот день мы взяли две большие корзины.

— На варенье, — сказала Вера. — Мать ругается, что прошлогоднее уже на исходе.

Я кивала, хотя мне было всё равно на варенье. Я любила сам момент — как мы идём через поле к опушке, как утреннее солнце пробивается сквозь кроны сосен, как трава холодит босые пятки. Вера всегда шла впереди, раздвигала ветки и командовала: «Сюда, тут полянка», а я послушно тянулась за ней.

Лес знал нас. Мы знали каждую тропинку, каждый ручей, каждый поваленный ствол, на котором можно было посидеть. Страх в том лесу был чужим, не нашим.

Мы вышли на поляну у старого дуба — там всегда родилось больше всего ягод. Вера опустила на корточки и принялась срывать их быстро, почти сердито. Я пристроилась рядом, стараясь не отставать. Тишину нарушали только птицы да лёгкий шелест листвы.

Потом птицы замолчали.

Сначала я не придавала этому значения. Вера тоже не подняла головы. Я помню, как потянулась к крупной ягоде, присыпанной росой, и услышала хруст ветки за спиной.—

Уже полная? — спросила я, думая, что мать решила нас проверить. В ответ — тишина. И скрежет. Словно подошва медленно поворачивается на сухой хвое.

Я обернулась.

Он стоял в трёх шагах от нас. Высокий, в грязной серой рубаше, с топором, зажатым в правой руке. Не в той руке, в которой его носят дровосеки — в правой, и лезвие топора было обращено вниз, будто он готовился не рубить дрова, а бить. Но самым страшным было лицо — не злое, нет. Пустое. Глаза смотрели сквозь нас, как сквозь стекло.

— Вера, — прошептала я.

Она подняла голову. Увидела. Замерла ровно на секунду — я заметила, как расширились её зрачки, как выпала из пальцев корзина, рассыпав ягоды по мху.

— Беги, — сказала она очень тихо, почти беззвучно.

Она бросилась на него. Схватила за руку с топором, вцепилась ногтями, крикнула что-то — я не расслышала что, потому что уже бежала. Бежала не глядя, раздирая лицо ветками, продираясь сквозь кусты туда, где, как мне казалось, была тропинка к дому.

Я слышала её крик. Один. Он оборвался так же внезапно, как замолчали птицы.

А потом наступила тишина.

Я бежала дальше, потому что знала: если остановлюсь, что-то случится. Что-то уже случилось, но детский ум отказывался давать этому имя. Я просто бежала, и слёзы застилали глаза, и лёгкие разрывались от воздуха, которого вдруг стало слишком мало.

Краем уха я уловила треск — он ломился следом.

Я свернула туда, где, как мне помнилось, был овраг. За оврагом начиналось поле, а за полем — дома. Но я забыла, что земляника в этом году уродилась и на склоне, и дожди размыли край. Я ступила туда, где ещё вчера была твердая почва, а сегодня её не было.

Земля ушла из-под ног. Я упала — нет, не упала, меня швырнуло вниз, словно кто-то огромный смахнул меня ладонью. Я летела спиной вперёд, ударяясь о корни и камни, и последнее, что запомнила, — резкая боль в затылке, словно кто-то щёлкнул выключателем.

А потом не стало ничего. Ни тишины, ни света, ни запаха

леса. Только сгущающаяся тьма, которая пахла железом и ягодами.

Я очнулась в больнице через три дня.

Мать сидела у моей кровати. Её лицо было серым, как пепел, и она не плакала — слёзы, видимо, кончились за те дни, что я была без сознания.

— Где Вера? — спросила я.

Мать отвернулась к окну.

Врач сказал, что память может вернуться не сразу. Что травма головы серьезна, но я поправлюсь. Что мне повезло — меня нашёл объездчик на рассвете, на дне оврага, живую. Веру не нашли. Вообще.

Топор нашли. И пятна крови на поляне — столько, что, по словам участкового, «человек столько не теряет и остаётся живым». А тело её не нашли ни тогда, ни через месяц, ни через год.

Меня допрашивали трижды — мягко, с осторожностью, потому что ребёнок. Я рассказывала про человека в серой рубаше, про пустое лицо, про топор. Мне не поверили — ну как ребёнок запомнит лицо в таком страхе? Или поверили, но искать не стали — в деревне тогда пропадали люди, кто в город уехал, кто в запой ушёл, кто просто исчез. Вера стала ещё одной статистикой.

Через полгода я перестала ждать, что она вернётся.

Но я не перестала помнить. Травма головы стёрла не все — она заморозила картинку, сделала её чёрно-белой, но от-

чётливой. Каждую ночь перед тем, как провалиться в сон, я вижу это лицо. Пустое. Без возраста. Глаза, которые не отражали ни меня, ни Веру, ни этот лес, ни этот мир.

Я выросла. Стала следователем. Некоторые говорят — из-за травмы, из-за желания найти того, кого не нашли тогда. Может быть. Но я знаю точно: я ищу не Веру.

Я ищу пустое лицо.

Потому что таких лиц в моей практике встречалось слишком много. И каждый раз, когда я вижу эти ничего не выражающие глаза, я чувствую запах земляники и леса, и понимаю: он всё ещё где-то там.

Или кто-то как он.

Я расскажу вам эту историю. Не про Веру — она осталась в том лесу, и, возможно, это единственное место, где она до сих пор жива. Я расскажу вам о том, как я потратила годы, пытаясь найти это пустое лицо: поднимала архивы пропавших за двадцать лет, сравнивала почерк протоколов, объезжала деревни в радиусе ста километров, опрашивала всех, кто хоть что-то видел, — но он уходил от меня, как тень. Каждый раз, когда мне казалось, что я нащупала нить, она обрывалась.

И про то, как я поняла, что падение с обрыва спасло мне жизнь.

Но тогда, в семь лет, я думала, что оно отняло всё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.